

У меня есть сильнейший ход

БУМ!

Раздался резкий звук, ударивший по ушам.

В последний момент Кисаме заметил, что что-то не так, и перенаправил Самехаду, чтобы заблокировать удар, но ужасающая сила, исходящая от кончика меча его противника, все равно заставила его зрачки сузиться.

В его груди он чувствовал приток свежей крови.

Он ещё не полностью исцелился от своих ран.

Даже Итачи был немного ошарашен этим мечом, в возрасте Саске у него не было такой силы.

— Итачи, мы не можем позволить ему уйти!

Белые бинты поверх великого меча в его руке давно распались под ударом.

И показалась чешуйчатая броня клинка.

Обе руки быстро сформировали печать.

Техника Великого Снаряда Акулы!

Водяная бомба в форме акулы устремилась к Саске. В этой ситуации Кисаме не решился использовать дзюцу, которое произвело бы слишком много шума.

Но Саске, с его искусной работой ног и ошеломляющей формой, ловко и легко увернулся.

В этот период времени, одновременно с усиленной практикой владения мечом и унаследованными стойками, он также занимался тайдзюцу под руководством Какаши.

В основном в использовании чакры, чтобы сделать тело сильнее.

Конечно, не обошлось и без использования шарингана.

В этот момент Итачи среагировал, и со вспышкой оказался прямо перед Саске.

— Твоё мастерство меча... кто тебя ему обучил? — спросил он.

В этом мире не существовало понятия меча, и меч Саске показался ему каким-то странным обоюдоострым клинком.

— Что, испугался? — Саске усмехнулся, глядя на своего брата, которого он ненавидел. — Ты заставил меня жить в невыносимом смирении и боли, ненавидя тебя, а теперь я заставлю тебя также жить в раскаянии и боли.

— ... — Итачи помолчал мгновение и спросил: — Как ты собираешься заставить меня чувствовать боль?

— Хмф. — Саске поднял свой меч и направил его на Итачи. — Пока я жив и становлюсь сильнее, у тебя ничего не получится, и ты всегда будешь страдать внутри!

Это характерно для безжалостного пути.

Если тот, кого ты любишь, сильнее, чем ты сам.

Прервать путь невозможно, и такой исход будет действительно болезненным, когда человек уже встал на него.

И Итачи посмотрел на стоящего перед ним Саске.

Похоже, он что-то понимает.

— Итак... ты уже знаешь, — Итачи посмотрел на Саске, вздохнул и просто признался: — Хорошо, причина, по которой я оставил тебя, в том, что ты для меня — последний шаг к совершенству.

Клан Учиха был проклят любовью.

Чтобы открыть мангекьё шаринган, нужна смерть близкого родственника, а чтобы он превратился в вечный мангекьё, нужен шаринган брата или сестры.

Итачи чувствовал, что Саске знает об этом.

Глаза Саске расширились и он задрожал, не понятно, от волнения или от гнева. Он указал на Итачи и крикнул:

— Конечно... ты признаешь это! Ты фактически убил своих родителей и всех остальных ради

такого пути, и я никогда не позволю тебе уйти от наказания! Ни в коем случае!

«...»

Итачи посмотрел на глаза Саске с некоторым разочарованием в сердце.

Всего два томоэ.

Потому что не хватало ненависти?

Его тело долго не протянет, а до тех пор, даже если он не сможет открыть мангекьё, нужен шаринган с тремя томоэ.

Так что...

— Что ты можешь сделать, даже если знаешь? — алые глаза Итачи отражали демонический блеск под лунным светом, а его тон был холодным, как кусок десятилетиями лежавшего льда. — Мой глупый брат, ты думаешь, что сможешь остановить меня? В итоге... будет тот же результат, что и с твоим отцом и матерью.

— Заткнись! — выражение лица Саске стало мрачным.

Упоминание папы и мамы, прозвучавшее из уст Итачи, вызывало у него отвращение.

— Заткнуться? Из-за тебя? — Итачи сделал два шага вперед. — Если ты хочешь остановить меня, то ненавижь меня! Что ты можешь сделать, будучи таким слабым?

«...»

Стоящий рядом Кисаме взглянул на Итачи.

Он снова прикоснулся к осыпающейся ране на своей груди.

В таком возрасте Саске, и с такой силой, слаб?

Но, подумав о силе Итачи в его возрасте.

Кисаме не хотел ничего говорить.

Он действительно... чудовищный брат.

— ... Ты говоришь, я слаб? — Саске слегка приподнял голову, чакра сгустилась в его теле, одежда и волосы, казалось, медленно раздувались, — Тогда... скажи своему спутнику, чтобы он убрался с дороги и сам почувствуй мою силу!

— О? — издал тихий звук Итачи.

— Это между нами, не так ли? — взгляд Саске заострился, переполненный остротой, кончик его меча был направлен на Итачи, он медленно сказал: — у меня есть самый сильный ход из всех, осмелишься ли ты принять его?

Итачи посмотрел на брата.

Воистину, в нем не было ни капли неуверенности.

Он был наполнен сильным убийственным намерением и зрелой волей.

Конечно...

Он сильно повзрослел, да?

— Кисаме, — тихо сказал Итачи. — Не вмешивайся.

— ... Хорошо.

Кисаме посмотрел на Итачи, поднял свой меч и шагнул в сторону.

Он хорошо знал его силу.

Пока Итачи не захочет проиграть намеренно.

Даже один на один, этот сопляк не сможет сравниться с ним.

Никакого разочарования.

Он был уверен в своем зрении, ведь изначально организация заставила их объединиться для выполнения задания, чтобы они могли следить друг за другом.

— Дай мне посмотреть, — Итачи раскинул руки в объятиях, — какая разница между тобой и тем, каким ты был той ночью?

— Вот увидишь, — сказал Саске с ледящим душу убийственным намерением, — теперь я понимаю, что значит быть настоящим ниндзя!

После этих слов.

Аура Саске постепенно собралась.

И он высоко поднял меч.

Из его тела вырвался поток невидимой материи, но необычайно пронзительный, как будто мечи острыми краями.

— Что это за стойка? — взгляд Кисаме, наблюдавшего за происходящим со стороны, застыл.

Он никогда раньше не видел такого движения.

Было видно, что Саске собирался с силами.

Но это чувство, эта аура...

Чистая, резкая, ясная и холодная, но несущая в себе предельный блеск, как будто перед ним все враги были не более чем пустое место. Не стоящие упоминания.

И быть способным подарить такое чувство – уже достаточно волшебю.

Отражение эмоций, воплощенных в стойке, это то, чего не было в мире шиноби.

— Саске...

Итачи с недоверием посмотрел на Саске перед собой.

Он чувствовал безупречную и чистую ауру, исходящую от тела Саске в данный момент.